

I

Клара

Коробок было четыре — больших, тяжелых, набитых до отказа, судя по тому, как тот человек их заносил — скрючившись в три погибели, на полусогнутых ногах. В тот вечер он привез их в дом соседки Клары, миссис Орчард, да так и оставил на полу посреди гостиной. Значит, ничего из предметов первой необходимости, вроде пижамы, внутри не было, иначе он распаковал бы свой багаж.

Коробки посреди комнаты не давали Кларе покоя. Тот человек натыкался на них всякий раз, переступая порог. Куда удобнее было бы их поставить к стене. И, если уж он их перенес из машины, то почему не распаковал? Сначала Клара решила, что коробки доставлены для миссис Орчард, а она вернется и разберет. Но миссис Орчард все не возвращалась, а коробки никуда не девались, как и чужой человек.

Прикатил он на большой голубой машине, в сумерках, ровно через двенадцать дней после того, как ушла из дома Роза. Двенадцать дней — это неделя и еще пять дней. Клара стояла тогда на своем посту у окна гостиной, стараясь не слушать, как мама говорит по телефону с сержантом Барнсом. Телефон у них в прихожей, и разговоры слышны во всех комнатах.

Мама кричала в трубку на полицейского: «Шестнадцать! Розе шестнадцать — вы что, забыли? Она еще ребенок!» Голос у нее срывался. Клара заткнула уши и, расплющив нос об оконное стекло, загудела. Гуденье выходило прерывистым, потому что она то и дело останавливалась глотнуть воздуха — если мама расстраивалась, Кларе становилось трудно дышать. А когда гудишь, всегда легче. Звук отдается во всем теле, словно внутри сидит шмель. Если сосредоточиться, то можно больше ни о чем не думать.

Тут раздался шум, перекрыв гуденье, — во двор миссис Орчард, шурша колесами по гравию, въехала большая голубая машина. Незнакомая. Красивая, светло-голубая, а сзади что-то вроде крыльев. В другое время, спокойное, Кларе она бы наверняка понравилась, но время было беспокойное, и ей не хотелось перемен. Никаких чужих машин во дворах.

Шум двигателя стих, и из машины выбрался незнакомец. Закрыв дверцу и замер, глядя на дом миссис Орчард. С виду дом как дом — темно-зеленый, с просторной верандой, с белыми оконными рамами и перилами. Раньше Клара к нему никогда не присматри-

валась, а сейчас ей пришло в голову, что он точь-в-точь как сама миссис Орчард — старый, но симпатичный.

Незнакомец поднялся на крыльцо, достал из кармана брюк ключи, открыл дверь и зашел.

Клара ужаснулась: откуда у него ключи? Не должно у него их быть. Миссис Орчард ей говорила, что комплектов ключей (от передней двери и от задней) у нее три: один у нее самой, другой у миссис Джойс, которая приходит раз в неделю убирать, третий у Клары. Клара хотела сказать маме, которая уже повесила трубку, но разговоры с полицией зачастую доводили маму до слез, и лицо у нее шло красными пятнами, и Клара боялась к ней подступиться. Да и от окна было не отойти. Вдруг Роза не вернется, если она перестанет ждать у окна?

В прихожей у миссис Орчард зажегся свет — озарил на миг крыльцо, прежде чем незнакомец закрыл дверь. Дом погрузился во тьму. В обеих гостиных — в Кларином доме и у миссис Орчард — было по два окна, передние выходили на дорогу, а боковые смотрели друг на друга. Клара перебралась к боковому (для Розы главное, чтобы она стояла у окна, все равно у какого), и тут как раз в гостиной у миссис Орчард зажегся свет и незнакомец переступил порог. Кларе видно было все, что делается в комнате, и первое, что она увидела, — как из-под дивана выскочил Моисей (он всегда там прятался от всех, кроме миссис Орчард и Клары) и пулей вылетел в открытую дверь, так что незнакомец точно его не успел заметить. Наверное, выбежал в тамбур, а оттуда в сад, подумала Клара.

В тамбуре три двери — в гостиную, на кухню и в сад, и у той, что ведет в сад, внизу есть дверца для кошки. Улепетнул, сказала бы миссис Орчард. Больше ни от кого из знакомых Клара не слышала слова «улепетнул».

В тамбур Клара заходила около часа назад, покормить Моисея. По утрам и вечерам она разрешала себе ненадолго покинуть свой пост, ведь она обещала миссис Орчард присматривать за Моисеем, пока та в больнице. Роза все поймет.

— Он тебе обрадуется, — говорила ей миссис Орчард. — Ты для него свой человек — правда, Моисей?

Она учила Клару обращаться с чудом техники — новой открывалкой, электрической. Надо просто надеть ее на банку и придерживать, а открывалка все делает сама, даже банку поворачивает потихоньку, когда срезает с нее крышку.

— Техника, — сказала миссис Орчард. — Так-то я с техникой не дружу, но старый консервный нож опасный, еще не хватало, чтобы ты поранилась.

Моисей терся об их ноги, выпрашивая ужин.

— Можно подумать, его тут голодом морят, — сказала миссис Орчард. — Ну так вот, открывалка снимает с банки крышку — видишь? Она магнитная. Осторожно, не берись за край крышки, когда ее снимаешь с магнита. Тянуть надо сильно, а край острый-преострый. Открытую банку держи в холодильнике, а когда корм закончится, прополощи и выбрось в мусорку на улице, а не здесь, а то завоняет. Миссис Джойс придет убирать и вынесет мусор. С твоей мамой я уже поговорила, она согласна, чтобы ты корми-

ла Моисея утром и вечером, пока меня не будет. Ну а я скоро вернусь.

Но неделя шла за неделей, а миссис Орчард все не возвращалась. Корм уже несколько раз кончался, и Клара просила у мамы денег, чтобы пополнить запасы. (Это было еще до побега Розы, в спокойные времена, когда Клару отпускали одну в магазин.) Клара была разочарована — она думала, что на миссис Орчард можно положиться. Взрослые, по мнению Клары, вообще народ ненадежный, но миссис Орчард она считала исключением из правил.

Слышно было, как в кухне хлопочет мама. Наверное, она уже пришла в себя.

— Мама! — позвала Клара.

Чуть погодя мама откликнулась: «Что?» — но голос у нее был сдавленный.

— Ничего, — поспешно отозвалась Клара, — я так.

Незнакомец расхаживал по дому и всюду зажигал свет — Клара видела, как на газон ложатся бледные тени. И свет он за собой нигде не гасил. Если бы так сделала Клара или Роза, папа крикнул бы: «Выключи свет!» Но Розы здесь нет. И где она, неизвестно. Мама твердит Кларе, что Роза в Садбери или, может быть, в Норт-Бее и все у нее хорошо, но скорей бы она вернулась, или позвонила, или открытку прислала, дала бы знать, что жива-здорова. Значит, мама на самом деле не знает, все ли у Розы хорошо, вот она и накричала на полицейского, потому что Розу он до сих пор не нашел.

Свет в доме миссис Орчард мешал разглядеть, что делается на улице. Клара и у себя в комнате мало

что видела, но свет нарочно не включала, чтобы тот человек ее не заметил. Если ты сам на свету, то не видишь тех, кто в темноте, зато тех, кто на свету, из темноты видно хорошо. Это ей Роза говорила. «Можно стоять в шаге от окна, — объясняла она, — и тебя не заметят. Я недавно подсматривала, как миссис Адамс раздевается. Совсем! Догола! Все снимает — и трусы, и лифчик! На животе у нее огромные складки жира, а сиськи как два воздушных шара! Ну и гадость!»

Незнакомец вернулся в гостиную и стал рассматривать фотографии на серванте у миссис Орчард. Фотографий у нее много, все в рамках, и в серебряных, и в простых деревянных. Из них две, где она с покойным мужем, на одной они сидят в обнимку на диване, на другой стоят возле дома, тоже в обнимку. Раньше была еще фотография, где мистер Орчард стоит около какого-то дома, привалившись к дверному косяку, руки в карманах, улыбается в объектив. Дом, судя по всему, красивый, потому что вся стена увита цветами. Клара слышала не раз, как миссис Орчард разговаривает с этой фотографией, словно с живым мистером Орчардом. И голос у нее был совсем не грустный, обычный.

Клара помнит и такую фотографию: мистер Орчард, а рядом с ним маленький мальчик. Мальчик сидит за столом, завтракает — именно завтракает, потому что перед ним банка джема «Шериф», Клара разобрала надпись на этикетке. У мистера Орчарда через руку переброшено кухонное полотенце, и он держит тарелку с едой. (Клара, присмотревшись хорошенько,

заклЮчила, что там бекон и сосиски, как и положено на завтрак.) Мистер Орчард, весь прямой и чопорный, смотрит на мальчика, а мальчик — на него и улыбается во весь рот. Клара спросила у миссис Орчард: «Это ваш сын?» — а та ответила, что нет, это соседский ребенок, своих детей у них нет, но этого мальчика они очень любили. «Это ваша любимая фотография?» — спросила Клара, а миссис Орчард улыбнулась и ответила, что любит все одинаково. Но Клара подозревала, что это не так, потому что миссис Орчард, когда ложилась в больницу, взяла с собой две — эту и ту, где мистер Орчард на фоне увитой цветами стены, Клара сразу заметила, что их не хватает. Если из всех фотографий берешь только две, значит, они и есть любимые.

А незнакомец тем временем разглядывал фотографии, наклонившись к ним поближе. «Не трожьте!» — яростно прошептала Клара, а он, будто назло, взял одну в руки. Клара сжала кулаки. «Это не ваше!» — сказала она вслух. Фотография была в деревянной рамке. Наверное, та, где мистер и миссис Орчард вместе, но, может быть, и другая — скажем, фотография мисс Годвин, сестры миссис Орчард, она жила в этом доме одна, потом миссис Орчард к ней переехала, а несколько лет назад мисс Годвин умерла.

Незнакомец поставил фотографию обратно на сервант, к остальным. Постоял, посмотрел, развернулся и вышел.

Клара вновь подбежала к окну во двор, откуда лучше просматривалась подъездная дорожка миссис Орчард.

Незнакомец вроде бы собрался уезжать — но нет, открыл багажник, достал оттуда коробку, потом другую и еще две с заднего сиденья, отнес в дом и поставил посреди гостиной. Клара сначала обрадовалась — наверное, это он привез для миссис Орчард (хотя на что ей такая тяжесть, которая полкомнаты занимает?), занесет в дом, а сам сядет сейчас в машину и уедет. Но незнакомец разрушил все ее надежды: он достал чемодан.

Ужинала Клара, стоя у окна. Хорошо, если папа придет до того, как она ляжет спать, и можно будет ему рассказать про незваного гостя, но тут Клара вспомнила: у папы в школе совещание и вернется он поздно. И после ужина Клара пожелала в мыслях спокойной ночи Розе, где бы та ни была, и вслух маме и пошла к себе наверх. Она готова была хоть всю ночь просто-ять у окна, но с папой у них был уговор, они заключили его в тот день, когда Клара начала свое «бдение» (как назвал это папа), через неделю после того, как пропала Роза.

В те дни на Клару темной холодной тенью надвинулся страх. Страх, что с сестрой что-то случилось. «Я себя в обиду не дам, — сказала ей перед уходом Роза в их комнате наверху. — Поняла?»

Клара понуро кивнула, глядя, как Роза крутится, хватая одежду то с пола, то из комода и запихивая в школьную сумку. Это была правда: Роза умная и сильная. Клара это знала, как знала, что Роза красивая, с юмором и вечно ссорится то с родителями, то

с учителями (к папиному стыду, ведь папа учитель истории у них в школе), потому что терпеть не может, когда ею командуют. Знала Клара и то, что Роза в пылу ссоры с мамой может что-нибудь ляпнуть сгоряча — скажем, «уйду из дома и не вернусь». Она и раньше убегала пару раз, но через день-другой возвращалась, сочтя, что как следует припугнула маму. Для того она все и затевала, и это Клара тоже знала. Роза убегала, чтобы досадить маме.

Однако теперь все было иначе; никогда раньше Роза не говорила маме: «Ты меня больше не увидишь. Никогда. Слово даю». Обещаниями Роза не бросалась. И раньше она всегда выкрикивала угрозы, а в этот раз говорила тихо, почти шепотом, и от этого Кларе сделалось еще страшнее. Казалось, кухня дымилась от Розиногo гнева.

Даже повод для ссоры был пустяковый — Роза в очередной раз вернулась поздно, — но зашел спор о том, имеет ли мама право ей указывать, что можно, а что нельзя, и Роза сказала: нет. Так они и кричали друга на друга, чем дальше, тем страшнее, и наконец мама сказала: «Пока ты живешь в этом доме, милая моя, будешь делать что говорят». И зря она так сказала.

— За меня не волнуйся, — сказала Роза Кларе, стоя посреди их комнаты и держа в руках свою любимую футболку. — Обещай не волноваться, — прибавила она строго. Глаза ее были густо подведены. Роза

всегда ходила в боевой раскраске — светлый, почти белый тональный крем, толстый черный карандаш для глаз, черная тушь, тени голубые или зеленые (в тот раз были зеленые), а помада такая светлая, что губ почти не видно. Однажды она нарисовала на щеке черную слезу. Волосы она красила в черный, а кончики осветляла до соломенно-желтого и делала начес. «Я страшна как смерть, — сказала она однажды, любуясь собой в зеркале над ванной. — Правда, страшна как смерть?» «А по-моему, ты красивая», — ответила Клара искренне. Красивей Розы нет никого на свете.

— Но куда ты собралась? — спросила Клара, глядя, как сестра укладывает вещи. — Где ты будешь спать? — Горло саднило от непролитых слез. Роза терпеть не могла, когда Клара плачет. — Когда я тебя снова увижу? Как я узнаю, все ли с тобой в порядке?

Роза призадумалась.

— Этого я пока не могу сказать, — ответила она наконец. — Но я тебе передам весточку. Не знаю, когда и как, но передам. Так что жди. Но когда получишь, маме с папой ни слова, ладно?

С минуту она пристально смотрела на Клару, грызя ноготь, — Роза вечно себя ругала за привычку грызть ногти. «Не вздумай, — предостерегла она однажды Клару. — Если начнешь грызть ногти — убью. Обещай, что не начнешь».

Вынув изо рта палец, она добавила уже ласковей, а это было на нее не похоже, ведь Роза не любила телесных нежностей:

— Как найду, где жить, приезжай ко мне в гости. Вот будет весело! По вечерам будем гулять допоздна, все-все тебе покажу!

Она улыбнулась, и Клара попыталась улыбнуться в ответ, но губы так дрожали, что улыбки не получилось, и у Розы вдруг сделалось несчастное лицо. Она затолкала футболку в сумку, сумку бросила на кровать, обняла Клару и стала ласково укачивать.

— Я тебя страшно люблю, — шепнула она Кларе в макушку. — Ужасно. Обещай не забывать, что я тебя ужасно люблю.

— Обещаю, — еле выговорила Клара, потому что слезы душили ее. Но Роза, против обыкновения, не разозлилась на Клару, а прижала ее к себе и долго не отпускала. А потом ушла.

Что правда, то правда, постоять за себя Роза всегда умела. Однажды Рон Тейлор подкрался к ней сзади, положил свои жирные лапищи на ее маленькие грудки, а Роза вывернулась и врезала ему школьной сумкой по лицу, так что из носа у него брызнула кровь. Клара все видела своими глазами. И если Роза сказала, что не пропадет, — значит, не пропадет. Поэтому первое время Клара за сестру почти не волновалась, просто ждала, скорей бы та вернулась. Но спустя неделю в душу закралась тревога. Мало того, что Роза никогда так надолго не пропадала, еще и мама совсем измучилась, а папа притворяется, будто все хорошо, и это просто ужасно. А вдруг там, в большом

мире, подстерегают опасности, о которых Роза не ве-
дает? Раз родители так волнуются, получается, так оно
и есть.

Кларе всюду мерещилась Роза. На девятый день
после ухода сестры Клара шла домой из школы, считая
шаги (по дороге в школу и обратно она считала ша-
ги сотнями, иначе Роза может не вернуться домой),
и уже на повороте к дому ей почудилось, будто на той
стороне дороги мелькнула сестра. Деревья на том
участке никогда не вырубают, на сотни и тысячи миль
тянется чащоба, и оттуда выходят к обочине пастись
олени, а может выйти и медведь, и тогда все сидят
по домам, боясь высунуть нос на улицу. Но в тот
день Кларе почудилась на обочине меж деревьев алая
вспышка, точь-в-точь того же оттенка, что и Розина
куртка.

Сержант Барнс и местные жители, конечно, уже
прочесали вдоль и поперек лес и всю округу. Но Ро-
за, как видно, всех перехитрила — скорее всего, уеха-
ла далеко-далеко, а вернется, когда устанут ее искать
и махнут на все рукой.

Клара, затаив дыхание, всматривалась в чащу. Ни
признака жизни. Осторожно, боясь спугнуть Розу,
словно олененка, Клара перешла дорогу и застыла на
самом краю леса. «Роза», — окликнула она шепотом.
Никто не отозвался. Ни один листок не дрогнул. «Ро-
зи», — позвала она снова и тихими, осторожными
шагами двинулась в лес. Тут снова мелькнуло что-
то красное — вспорхнула с ветки краснокрылая птаха
и исчезла.

Значит, не было в лесу никакой Розы, но Клара не могла отделаться от мысли, что это все неспроста. Может быть, Роза передала-таки ей весточку неким таинственным образом.

В тот вечер Клара впервые заняла свой пост у окна. Когда мама, заглянув в гостиную, позвала ее ужинать, Клара объявила, что за стол больше не сядет. И в школу тоже больше не пойдет. До возвращения Розы.

Мама удивилась:

— Как коту кормить, так можно отойти от окна, а как самой поесть или в школу пойти, так нельзя? — Она схватилась за голову, словно та вот-вот расколется пополам.

В мамином голосе звучало отчаяние, и оно передалось и Кларе: ну как же ей объяснить? Моисея надо навещать и кормить, потому что она обещала миссис Орчард, а все остальное время нельзя отходить от окна, чтобы не пропустить Розу или весточку от нее. Ведь непонятно, что это будет за весточка. Вначале Клара ждала записку или открытку, будто бы от кого-то другого, чтобы она одна догадалась, что это от Розы. Но, может статься, будет и совсем иначе. Если Роза вернулась и прячется где-то поблизости, то наверняка захочет поговорить с Кларой, узнать, подходящее ли сейчас время, чтобы вернуться домой, а если ее не высматривать, можно и прозевать. Но как объяснить это маме, не выдав Розу? Мама сразу же позвонит сержанту Барнсу, и все снова станут прочесывать лес, а Роза убежит насовсем, и поминай как звали.

— Я жду, когда Роза вернется, — сказала наконец Клара, не глядя на маму.

— Доченька, — ответила мама, — знаю, ты по ней скучаешь, и мы с папой тоже скучаем, но оттого что ты будешь стоять у окна, она не появится. Прошу тебя, пойдем поужинаем как следует. Еще этого мне не хватало... — Голос у мамы срывался, словно она вот-вот заплачет. Клара вдруг разучилась дышать. В голове зашумело, и она бы упала, но тут зашел папа.

— Что тут у вас? — спросил он убийственно бодрым тоном, который усвоил с тех пор, как пропала Роза. Клара боялась смотреть и на него, и на маму. В глазах у папы не было слез, он словно нацепил веселую маску, но сидела та криво.

Папа не выносил споров. Если кто-то спорил, он непременно старался вмешаться и всех помирить. Он тут же встревал (Розино словечко). «Ну-ну, — говорил он, двигая руками, словно гладил кого-то, — не кипятитесь, попробуем пойти друг другу навстречу». Или: «Давайте договоримся. Разберемся для начала, кто чего хочет». Розу и маму это выводило из себя (по словам Розы, общего между нею и мамой лишь то, что папа их одинаково бесит). Встревал он и в школе, говорила Роза, и многим хотелось его за это прибить. Но, по мнению Клары, мирить спорщиков он был мастер. Все можно уладить, считал папа, главное — найти решение, и он всегда находил.

Ссорились у них в семье обычно — точнее, всегда — только двое, Роза и мама. Клара ненавидела споры точно так же, как папа, да и не с кем было ей

спорить — по крайней мере, до сегодняшнего дня. Роза ее никогда не обижала, а маму Клара всегда слушалась, потому что боялась расстроить. Так что в этот день она впервые испытала на себе папино миротворчество. И была ему за это благодарна.

В отличие от мамы.

— Уходи отсюда! — прикрикнула та на него. — Хоть раз в жизни не встрейай!

Но папа все-таки встрял, иначе он не мог. И все в итоге уладил, хоть и не сразу. Он предложил уговор: пусть Клара ходит в школу и спать ложится в обычное время, а есть она будет у окна в гостиной или где захочет.

— Как она будет есть? — Мама почти сорвалась на крик. — Здесь даже стол не поместится.

— Будем ставить тарелку на подоконник, — сказал папа мягко.

— Упадет! Взгляни, какой у нас подоконник, совсем узкий. А тарелки слишком большие, вся еда будет на полу. Хочешь, чтобы Клара ела с пола? Зачем глупости предлагать?

— Еду будем приносить в маленькой мисочке, — ответил папа еще спокойней. — Давай хотя бы попробуем, Ди, посмотрим, что из этого выйдет.

— Может, хватит меня поучать? Я твоя жена, а не ребенок. И прошу, перестань делать вид... — Мама осеклась на полуслове и вышла из комнаты.

И все-таки ужин Кларе с тех пор подавали в миске, и она все время — не считая ночи, школы и кормления Моисея — простаивала у окна, ждала Розу.

У Клары была своя спальня, но она там не спала, только хранила одежду. С самого раннего детства она любила спать в Розиной комнате, где стояли две кровати, и Роза ее не гнала. Изредка Роза даже пускала ее к себе в кровать, хоть Кларе уже почти восемь и вдвоем им тесно. Ничто не могло с этим сравниться. Клара старалась подольше не засыпать, ведь это так чудесно, когда Роза лежит рядом, тепло дыша ей в затылок, — но всегда засыпала почти сразу.

Вечером того дня, когда в соседнем доме появился незнакомец, Клара, почистив зубы и надев пижаму, приготовила себе на утро одежду, а потом вернулась в Розину спальню, собрала с пола одежду Розы и развесила в шкафу как полагается. Затем достала из шкафа другую одежду, швырнула на пол возле Розиной кровати и потопталась на ней хорошенько.

Розина половина спальни и Кларина отличались так разительно, что сестры всегда на этот счет шутили; Роза, по ее же словам, родилась свиньей, а Клара — чистюлей. «Аккуратистка с рождения. До ужаса аккуратная, — смеялась Роза. — Патологически». Розина половина смахивала на свалку. Мама даже кричать на Розу устала. «Хочешь жить в хлеву, ну и пожалуйста, — сказала она, — я за тобой убирать точно не стану». Роза радовалась победе.

В ночь, когда Роза ушла, Клара сложила в шкаф все ее вещи — Роза вернется, а в спальне порядок, а потом пускай себе свинячит на здоровье. Это была ошибка. Комната стала до того неживой, что Клара не могла уснуть и в конце концов встала, вытащила из шкафа часть Розиной одежды и раскидала по полу. И с тех пор каждый вечер убирала одни тряпки и раскидывала новые — если Роза сюда проберется среди ночи, пусть все будет так, как ей нравится.

В тот вечер Клара залезла под одеяло, свернулась клубочком на своей половине кровати, мечтая, скорей бы Роза вернулась, а тот человек уехал, и два желания через несколько минут слились в одно и она заснула.

Ей приснилось, будто Роза бродит одна в темноте. Босиком, тихими шагами. Вначале Клара видела ее со спины, а потом Роза оглянулась и улыбнулась. Но не так, как обычно, а словно пряча за улыбкой страх.